

В тот день, когда Гарри вышел из уютной тьмы материнской утробы, его встретил ослепительный свет. В объятиях темноволосого мужчины в белом халате, с голубыми глазами, он увидел мир. Его взгляд привлек блестящий предмет, прикрепленный к белому халату. Неудержимое любопытство заставило его потянуться к нему. Гарри не смог достать его, но предмет сам начал плыть к нему. Малыш еще не умел целенаправленно хватать, и предмет упал на пол. Удивленно вздохнув, Гарри снова посмотрел в голубые глаза и погрузился в спокойный сон, где блестящие предметы танцевали в воздухе.

Проснувшись, Гарри увидел размытое женское лицо. Оно становилось все ближе, четче, яснее. Он встретился взглядом с самыми красивыми и любящими зелеными глазами, которые запомнит на всю жизнь. Это была Лили, его мать. Ее длинные рыжие волосы, распущенные по плечам, падали ему на лицо, а улыбка излучала неземную радость. Она начала ворковать над ним мягким успокаивающим голосом. Лицо, уставшее, но сияющее счастьем. Рядом возникло другое изображение: "Привет, сынок". Это был его отец, Джеймс, полный гордости, с взлохмаченными черными волосами и круглыми очками над яркими карими глазами.

В пятилетнем возрасте Гарри столкнулся с жестокой реальностью. Его новые опекуны, тетя Петуния и дядя Вернон, были далеки от любви и заботы. Единственным утешением для него стали воспоминания. Гарри обладал даром, а может быть, и проклятием, помнить каждый момент своей жизни с самого рождения. В наказание он проводил много часов, а иногда и целые дни, запертым в шкафу под лестницей. Воспоминания о матери, которая ласково его лелеяла, читала ему сказки или нежно сжимала его крошечную ручку, всегда были рядом, помогая пережить трудности. Он делил эти светлые моменты с воспоминаниями об отце, о совместных играх в детской с Бродягой, который превращался в Сириуса, заставляя его сердце биться от восторга. Он особенно любил вспоминать, как мама смеялась над выходками отца, например, когда он покрасил волосы Муни в зеленый цвет. Эти воспоминания были его единственной опорой.

В своей кроватке Гарри слышал, как родители рассказывали друг другу о местах и людях, с которыми были знакомы. Отец с любовью вспоминал о себе и Сириусе, о шалостях с кем-то по имени Слизерин и Рейвенкло. Станные имена для людей, думал Гарри. Родители иногда принимали гостей, одним из них был профессор Дамблдор, пожилой мужчина с длинной белой бородой и блеском в глазах. Они часто говорили о Хогвартсе, школе, где учились. Гарри с нетерпением ждал возвращения отца из Косого переулка, куда он ходил за необходимыми вещами. Эти места он не помнил, и вряд ли когда-нибудь вспомнит. Гарри мог вспомнить каждое слово, сказанное рядом с ним или обращенное к нему. Он помнил разговоры, хотя не всегда понимал их смысл. С каждым годом, по мере взросления, он начал постепенно постигать их значение.

Однажды вечером, когда Гарри уже лежал в постели, он услышал крик отца: "Лили, бери Гарри и уходи! Это он! Вперед! Беги! Я его задержу..." Мать в отчаянии ворвалась в комнату и захлопнула дверь. Когда дверь распахнулась, жестокий смех пронесся по комнате, заставляя его содрогнуться. В дверях стоял человек со змеиным лицом.

— Не Гарри, не Гарри, пожалуйста, не Гарри! — молила мать.

— Отойди, глупая девчонка... Отойди сейчас же. — ответил человек.

— Не Гарри, пожалуйста, нет, возьми меня, убей вместо него... Пожалуйста... Помилуй... Помилуй... — просила Лили.

— Авада Кедавра! — прозвучало слово, и яркий зеленый свет озарил комнату. Гарри посмотрел вниз и увидел мать, лежащую неподвижно на полу. Снова раздался холодный, жестокий смех. "Авада Кедавра" — эти слова навсегда останутся в его памяти, наполняя его гневом, страхом и чувством потери. Это его последнее воспоминание о матери и самый частый кошмар. Она исчезла. Позже он узнает, что в ту ночь потерял и отца.

Огромный мужчина-медведь, с лицом, покрытым темными волосами, забрал его из дома. Профессор Дамблдор, который в ту ночь привел его в дом, отдал Гарри незнакомцам, тете Петунии и дяде Вернону Дурсли. Они всегда говорили, что его родители погибли в автомобильной аварии, но Гарри знал, что это ложь. У него были воспоминания о смерти матери. Его новые опекуны постоянно с ненавистью отзывались о его родителях, называя их "пьяницами". Когда Гарри вырос достаточно, чтобы защитить память своих родителей, он усомнился в их обвинениях. Именно тогда начались избиения и долгие дни, проведенные в шкафу. Воспоминания приходили к нему в шкафу, помогая скоротать время.

Сегодня он ждал окончания пятого дня рождения Дадли, его кузена. Скоро дядя Вернон или тетя Петуния придут за ним, чтобы заставить его убирать за своим избалованным кузеном. В пятилетнем возрасте опекуны считали его достаточно взрослым, чтобы он мог вносить свой вклад в домашние дела. На самом деле, это означало, что Гарри должен был делать ВСЕ работу по дому. Он должен был убирать, готовить и выполнять все приказы. В трехлетнем возрасте он узнал, что его новые опекуны ненавидят, когда он нечаянно окрасил все белые предметы в розовый цвет. Разъяренный дядя Вернон выкручивал ему запястье, пока не раздался леденящий кровь треск.

Прежде чем его вытащили из шкафа, его воспоминания прервал маленький паучок, ползущий от пола к его ноге. Одним движением пальца Гарри поднял паучка в воздух.

— Я думал, мы договорились. Держись от меня подальше, и я тебя не раздавлю. — прошептал он.

Еще одно движение пальца, и паук исчез в углу шкафа. Услышав стук входной двери и шаги, ведущие к дверце шкафа, мальчик понял, что пришло время. Когда дверь в темный шкаф открылась, в его глаза ударил яркий свет. Дядя Вернон, в необычайно приподнятом настроении, скомандовал:

— Мальчшка! Убирайся оттуда сейчас же и убери эту беспорядок.

— Да, сэр, — ответил Гарри, вылезая из шкафа.

— Ни одной из твоих причуд, или ты пожалеешь об этом, — дядя Вернон подошел к кухонной двери и, толкнув ее, повернулся к Гарри и ухмыльнулся.

— Да, сэр, — повторил Гарри с опустошенным выражением лица.

Гарри мрачно оглядел хаос, царивший в комнате. Крошечные клочки оберточной бумаги, словно осколки разрушенных надежд, валялись повсюду. Дадли, эта толстокожая свинья, не упустил возможности устроить очередной погром. Прошел почти час, прежде чем Гарри смог хоть немного упорядочить это безобразие. В комнату вошла тетя Петунья, проверяя его "прогресс".

Взгляд Гарри упал на ее красную блузку, и воспоминания хлынули волной. Красные глаза на змеином лице, гнев, закипающий в груди... Он снова увидел того, кто убил его мать, видел, как тот, с презрением глядя на плачущего Гарри в кроватке, прошипел: — Тот, кто способен победить Темного Лорда, приближается... ни один ребенок никогда не победит меня, Лорда Волан-де-Морта!

— Ты пропустил кое-что в том углу, мальчишка, — протянула тетя Петунья, указывая на дальний угол, заваленный стулом дяди Вернона.

Ее голос вырвал Гарри из кошмарных воспоминаний. Петунья вышла из комнаты, зовя Дадли вниз. Мгновение спустя раздался топот тяжелых шагов, и Дадли с раздраженным выражением лица спустился по лестнице.

— Что? Я играю со своими новыми игрушками! — заныл он.

— Ну, Дадли-Кинс, теперь, когда тебе пять, ты скоро пойдешь в школу, и я хочу, чтобы ты сделал все, что в твоих силах, — Петунья повернулась и уставилась на Гарри. — К сожалению, ему тоже придется ходить в школу. Не то чтобы он достаточно умен, чтобы чему-то научиться.

— Я не хочу ходить в школу с этим уродом, мам! — закричал Дадли.

— Я знаю, дорогой, но он должен идти, — ответила Петунья.

Гарри молчал. Он не хотел показывать волнение, которое бушевало в его душе. Возможность учиться, познавать новое, — это была надежда, слабый лучик света в его мрачной жизни. Тетя Петунья была бы более удовлетворена, если бы Гарри был расстроен перспективой ходить в школу с Дадли....

<http://tl.rulate.ru/book/100110/3414087>